

Василий ПЕСКОВ

С радостью
Василий

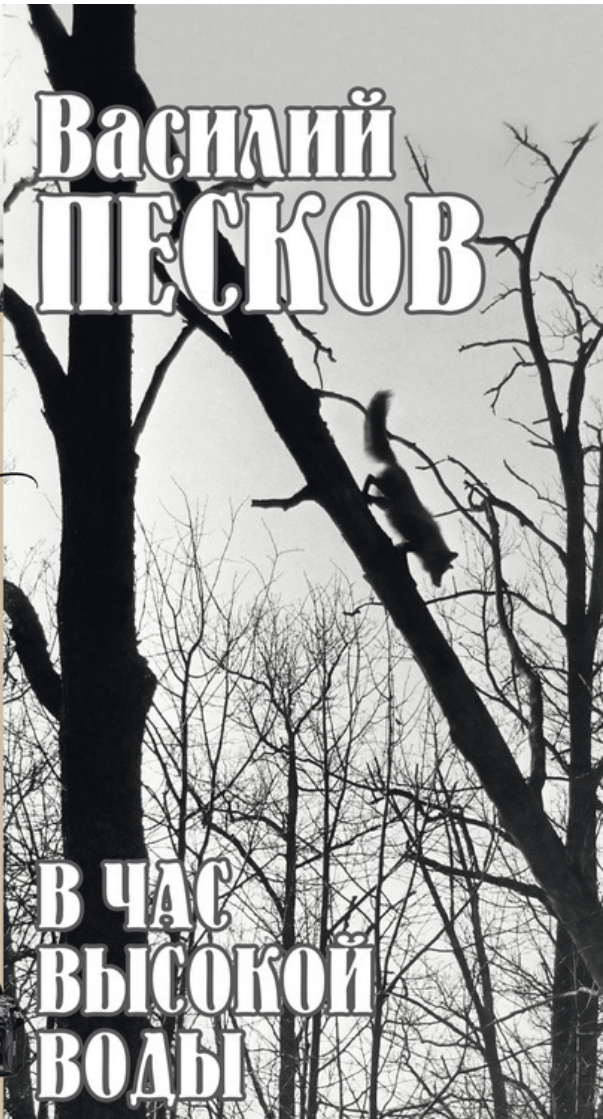
Юнк

КОРНОЕ СОБРАНИЕ СОУННЕНА

КОНСОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

В ЧАС ВЫСОКОЙ ВОДЫ

Василий Михайлович Песков
Полное собрание сочинений.
Том 16. В час высокой воды
Серия «Василий Песков. Полное
собрание сочинений», книга 16

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11975030
Полное собрание сочинений. Том 16. В час высокой воды:
«Комсомольская правда»; Москва; 2014
ISBN 978-5-87107-892-1

Аннотация

В 16-м томе собрания сочинений обозревателя «Комсомольской правды» Василия Михайловича Пескова читатели вновь встретятся с заметками рубрики «Окно в природу», необычно рассказывающей о привычных и хорошо знакомых животных, живущих с нами рядом, и самых экзотичных обитателях планеты.

Содержание

Предисловие	6
1985	10
Ведьмина метла	10
Почему сохнет дуб?	14
В сорока шагах от медведя	20
В час высокой воды	24
Братцы кролики	29
Кошачий остров	34
На пороге у жизни	39
Жучок-любимец	45
Как вырастали жирафы	50
Бабынинские караси	55
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Василий Песков

Полное собрание сочинений. Том 16.

В час высокой воды 1985-1987

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

«За две тысячи лет с лица Земли исчезли 106 видов млекопитающих. Но сейчас эта мельница крутится намного быстрее. Возросли технические возможности человека, любая самая недоступная точка Земли стала ему доступной. Возросли претензии человека на территории, тысячи лет принадлежавшие животным. Плуг, нож бульдозера, ковш экскаватора и топор неумолимо сужают мир наших спутников на Земле... Не поздно еще бросить спасательный круг терпящим бедствие. Для этого важно нам сознавать: Земля красна многообразием жизни на ней, и все сущее на

Земле имеет право на жизнь».
В. Песков

Предисловие

В этом томе почти все заметки – из рубрики «Окно в природу». Эта рубрика – долгожитель в «Комсомолке». Уже нет с нами Василия Михайловича Пескова, а она появляется раз в неделю обязательно.

Наверное, вам интересно, как она начиналась и почему Василий Михайлович ее придумал?

Вот что он сам писал об этом:

«Окно в природу» утвердилось в «Комсомольской правде» сразу. Началась рубрика с редких фотографий и обширных к ним подписей. А однажды я взялся поразмышлять о любви человека к природе, о счастье этой любви и получил отклик – сразу же несколько сот писем. Я понял, как много людей чувства мои понимают и разделяют.

Для одних лес – это всего лишь деревья, дрова. Если нет грибов или ягод – в лесу им скучно. Для других это мир, полный тайн, красоты, мир, где человека покидают болячки телесные и душевные, где понятие «радость жизни» вдруг становится почти осязаемым. Один мой спутник, когда мы вышли однажды вечером на лесную опушку, вдруг прислонился щекою к дереву и застыл – на глазах слезы. «Ты что?» – «От радости, что вижу все это...»

Есть люди особо чувствительные ко всему, что мы называем природой. У одних выражение этого чувства бурное, буднично-грубоватое – «красотища-то!». Другие в эти минуты боятся обронить слово. И есть люди, душевный инструмент которых и особо чутко воспринимает нахлынувшие чувства, и исторгает их позже так, что дрогнут струны другой души. В русской литературе, живописи и музыке назвать можно много имен, обладавших этим великим даром. Чайковский, Левитан, Фет, Тютчев, Есенин, Пришвин, Паустовский.

Лев Толстой был способен заплакать от радости ощущения жизни. Он говорил: «Счастье – это быть с природой, видеть ее, говорить с ней». Если это так, то как же сделать человека счастливым, сознавая при этом: в понимание счастья входит много другого.

Чувство природы врожденное. И есть оно у каждого человека. Но чувство спит. Кто разбудит его в раннем детстве? Сможет ли это сделать школьный учебник? Вряд ли. Но может умный, чуткий учитель. И этим учителем неожиданно может стать кто угодно – отец, мать (у Горького – бабушка), сельский пастух, охотник, всякий, кто сам был кем-то разбужен. Сильным толчком может стать хорошая вовремя прочитанная книжка. Когда мне было десять лет, чья-то заботливая рука подложила мне томик Сетона-Томпсона «Животные герои». Я считаю ее своим «будильником». Пу-

тешествуя по Америке, мы с другом отыскивали дом в полупустынном штате, где жил и умер писатель-натуралист. Для меня это был важный день всего немалого путешествия. Мы посмотрели рисунки и рукописи Сетона-Томпсона, место, где он любил сидеть с индейцами, прошли по тропинке к лесистым холмам, где по желанию писателя развеяли его прах. Благодарность за «пробуждение» я должен сказать и матери, с которой ходил за грибами, и отцу, с которым готовил дрова. С благодарностью вспоминаю речку, на которой мы ребятами пропадали с утра до ночи, пастьбу теленка... Вспоминаю Самоху, сельского мужика – неудачника в житейских делах, но счастливого. Странно, но я чувствовал его счастье, когда с берданкой своей устало он плелся домой. Я искал случая поговорить с Самохой. И уже морщинистая его душа почувствовала в мальчишке единомышленника. Однажды, присев отдохнуть у нас на крылечке, он стал рассказывать о том, как лежал в поле возле воды – ждал пролета гусей. Не помню сейчас подробностей стариковского откровения, но чувство радости от него у меня сохранилось поныне.

Знаю, для многих «будильником» чувства природы были: месяц, проведенный летом в деревне (любопытно, что никто не называет пионерский лагерь), хождение по грибы, прогулка в лес с человеком, который «на все открыл мне глаза», первое путешествие с рюкзаком, с но-

чевкой в лесу... Нет нужды перечислять все, что может озарить, разбудить в человеческом детстве чувство любви, интерес, благоговейное отношение к великому таинству жизни.

Взрослея, важно накапливать знания. Человек умом постигать должен, как сложно все в живом мире переплетено, взаимосвязано, как этот мир прочен и вместе с тем уязвим, как все в нашей жизни зависит от богатства земли, от здоровья живой природы. Школа знаний должна быть у каждого. И все-таки в начале всего стоит Любовь. Вовремя разбуженная, познание мира она делает интересным и увлекательным. С нею человек обретает и некую точку опоры, важную точку отсчета всех ценностей жизни. Любовь ко всему, что зеленеет, дышит, движется, издает звуки, сверкает красками, есть любовь, по мысли яснополянского мудреца, приближающая человека к счастью.

С этими мыслями еженедельно вот уже много лет я открываю «Окно в природу» в газете. Кого-то мои хождения в природу разбудят, вызовут родственный отклик в душе, кому-то доставят минуты радости. Эта радость моя с читателем – общая».

Интересного вам чтения!

Подготовил Андрей Дятлов, заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

1985

Ведьмина метла

Окно в природу

В одетом лесу ее можно и не заметить. Но зимою видишь издалека и принимаешь за сорочье гнездо – плотный шар переплетенных так и сяк тонких веток. Вблизи видишь, что шар висит, подобно большому плоду, на ветке, и понимаешь: сороки тут ни при чем, происхождение «гнезда» растительное.

Минувшей зимой на одной из берез я увидел шестнадцать шаров различной величины. Один громадный, другие – с футбольный мяч и с кулак. Строение у всех одинаковое: из одной точки в стороны шли живые побеги. В середине шара были плотными, а поверхность – колючий еж.

В народе эти сгустки побегов (чаще всего их видишь на березах и соснах) называют «ведьмины метлы». Наука определяет их как болезнь, свойственную всему живому. По разным причинам: от повреждения насекомыми, механических повреждений (под подозрением также и вирусы) на-

чинается бурный и бесконтрольный рост клеток. Если очаг возникает в древесной массе – образуется плотный нарост, называемый капом. Если лавиной размножаются клетки поверхностные – образуются такие вот метлы. Природа такого рода заболеваний у животных и у растений одинакова. «Ведьмины метлы» так же, как капы, интересуют онкологов. Увешанное «метлами» дерево, конечно, страдает. Но живет долго. В Литве мне показали сосну с огромной «метлой», за которой наблюдают уже лет сорок.

Но встречаются «метлы» происхождения совсем иного. В ветках ивы, осины, тополя, груши, сосны вдруг видишь зеленый сгусток, всегда зеленый – зимой и летом. Это значит – на дереве поселилось растение-паразит под названием омела. Такого рода растительных приспособленцев немало в тропическом поясе. И в наших широтах живет омела. Встречаешь ее нечасто, но всюду. Странный зеленый клубок летом покрывается липкими ягодами. И птицы, особенно дрозды, сейчас же спешат на пир – едят сами и носят ягоды в гнезда птенцам. Проходя пищеварительный тракт птицы, семечко растения-паразита не погибает, сохраняется на нем и клейкая оболочка. Оброненное на ветках дерева семечко прилипает к какой-нибудь ветке, и всё – место для жизни растению обеспечено. Сильным клейким ферментом семя разъедает кору и, прорастая, начинает тянуть из дерева соки.

Но было бы слишком хорошо для омелы приживаться на любом дереве. Природой возможности паразита несколько ограничены. Подобно тому, как кукушка не в любое гнездо может подбросить яйцо, а только туда, где подкидыш не отличат от яиц собственных, омела тоже имеет «свои» деревья. Омела сосновая не привьется на груше, омела, живущая на иве, не живет на сосне.

Поселенье на ветвях паразита – несчастье для дерева. Омелы живут, разрастаясь, лет двадцать – тридцать. И все это время дерево кормит своего захребетника... Несимпа-

тичный зеленый ком! Но сложно все в жизни устроено – птицы любят омелу. И людям она оказалась полезной – содержит ценные лекарственные вещества.

Таковы они, «метлы» – черные и зеленые, – хорошо заметные на еще не покрытых листвою деревьях.

• **Фото автора. 14 апреля 1985 г.**

Почему сохнет дуб?

Окно в природу

«Что происходит с дубом? Всюду видишь засыхающие деревья», – пишет М. Севостьянов из Внукова. Вопрос не первый. Наблюдение верное. В северной части средней полосы гибель дубов повсеместная. Отдельные деревья и целые рощи стоят омертвелыми – кора опадает, белеют скелеты дубов, побитые дровоедами. Весной, когда все одевается в зелень, дубовые сухостои особо заметны.

* * *

У всех народов дуб – дерево почитаемое. За красоту, долговечность и прочность, за урожай желудей.

Дуб в самом деле красив. В плотных дубравах он может быть, как сосна, стройным.

Дуб долговечен. В Москве в Коломенском растут деревья, мимо которых проходило, возвращаясь с Куликовской битвы, войско Дмитрия Донского (1380 г.). В поселке Лыхны (Абхазия) я стоял под дубом, которому тысяча лет. Самым старым деревом Европы считают дуб, растущий в литовском

местечке Стельмуже, ему 1500 лет. Это все редкие долгожители, но 300 лет – возраст для дуба довольно обычный.

Дуб крепок. На все долговечное, прочное шло это дерево. Корабли, громадные винные бочки, нижние венцы деревянных построек, мебель, паркет, детали машин – все дуб. Прежде чем строить Исаакиевский собор в Петербурге, забили двадцать тысяч дубовых свай. Дуб в воде хорошо сохраняется, становится даже более прочным. В Воронежской области, на Дону, у села Щучье, обнаружен челн, пролежавший в воде 4000 лет. Он из дуба. Загляните в московский Исторический музей, и вы увидите, как хорошо сохранилась эта долбленая лодка древнего человека. Даже в морской соленой воде дуб сохраняется долго. Фрегат «Паллада» (тот самый, на котором путешествовал Гончаров) был затоплен на Дальнем Востоке. Недавно водолазы отыскивали и осмотрели фрегат. Соленые воды и время его, конечно, не пощадили. «Но все, что из дуба, на фрегате сохранилось намного лучше того, что сделано из железа и чугуна», – отметили водолазы.

Семена дуба – желуди – каждый держал на ладони и, конечно, дивился их форме и красоте: шероховатая, аккуратная шапочка, и в ней – гладкий, тяжелый, как пуля, плод. Осенью, когда желуди созревают, со стуком падают с веток, много лесных обитателей устремляются на кормежку. Считают по веткам белка, хватают желуди клювами сойки. Приходят в дубравы пастись олени. Для кабанов желуди – главный, самый питательный корм. В минувшую зиму я видел тропы,

пробитые кабанами к отдельным деревьям в лесу. Снег под ними был перепахан, как плугом. Каким чутьем в ельниках и осинниках находили голодавшие звери дубы? Наверное, по памяти, еще с осени. В опушечной дубраве я несколько раз подряд спугивал уток. Что их приводит на далекое от воды место? Подкараулил, оказалось, в шуршащих дубовых листьях утки искали и жадно глотали желуди.

Ученые утверждают: первым хлебом древнего человека был хлеб желудевый. В юных лесостепных районах дубравы были когда-то обширными. Предки наши «клали на зуб» всё, что давала природа, и, несомненно, ценили питательность желудей. Можно представить, как желуди вымачивали, сушили, поджаривали на огне, и постепенно дело дошло до печения хлеба. При раскопках поселения пятитысячелетней давности (Украина) археологи обнаружили печь с отпечатками желудей в глине. Да что древность! В военные годы в наших воронежских селах ели хлеб желудевый: немного муки ржаной, остальная – из желудей. Я и сам ел этот горький военный хлеб. Но спасибо ему, он помогал выжить.

Итак, дерево, которому в древности человек поклонялся, дерево вековечное, крепкое. Отчего же при такой жизненной силе дубы оказываются вдруг побежденными и ничтожным грибком, и животною мелкотой? Увы, все живое не вечно. И все, потеряв жизнестойкость, немедленно атакуется разрушительной силой всяких болезней – богатырь побеждается мелюзгой, иногда не видимой даже глазу.

Проходя у дубов, спиленных на дрова, обратите внимание: на каждом срезе – трухлявое годовое кольцо, овальная рыхлая полость. Это память дубов об очень суровой зиме 1939/1940 года. Я эту зиму помню. Морозы были за сорок и стойкие, долгие. Погибли в ту зиму сады, погибло все, что боится мороза. Дубы не погибли. Но их жизнестойкость, защитные иммунные силы, как сейчас говорят, были подорваны. Дубы повсеместно стали болеть. А больного, известно, валит любая из новых невзгод. Такой невзгодой оказалась зима 1978/1979 года. Мы помним мороз той зимы – лопались трубы водопроводов, облуплялась краска с трамваев, замерзали в полете птицы, гибли сады. Роковой та зима оказалась и для дубов. Болеть они стали повально. Точнее сказать, с той зимы дубы начали умирать. И, поскольку умирают деревья стоя, картина их гибели на виду.

Означает ли это, что лес навсегда лишился дубов? Конечно-

но, нет. Дубы – деревья теплолюбивые. Наилучшие условия для роста дубов в нашей стране – в лесостепи (самая лучшая лесостепь – западная, не подверженная суховеям). Северная граница дубрав – сплошных дубовых массивов – проходит по Московской области, а к западу – по Калининской, Псковской. Вкраплениями в лесах дубы мы встречаем севернее. Отдельные экземпляры деревьев – даже далеко на севере, на Двине и Сухоне. Это значит, что есть совокупность условий – почва, температура, влажность, где дуб выживает, но это значит и то, что дуб за долгую эволюцию себя «районировал», приспособил к условиям жизни на грани возможного. На этой грани время от времени его настигает беда. Но годы проходят, и павших меняет новое племя. Осмотритесь в лесу внимательно. Среди дубов усыхающих вы увидите древесина крепкие и здоровые. Часть дубов выдержала натиск морозов. Потомство их будет тоже выносливым, жизнестойким. И уже показались в подлеске верхушки дубков молодых. Это то, что природой отобрано для продления жизни. То, что – дайте время – станет новой дубравой.

• **Фото автора. 20 апреля 1985 г.**

В сорока шагах от медведя

Окно в природу

Этот снимок нашего читателя Мстислава Владимировича Березовского из города Череповец. Снимок великолепный. Медведица после выхода из берлоги обходит обжитый ею участок, а три ее медвежонка открывают для себя мир. Они любопытны, подвижны, как ртуть, – рвутся вперед, но боятся пока что от матери удалиться. Большая удача – увидеть такое. Но сцена еще и снята...

Врач Мстислав Владимирович Березовский был страстным ружейным охотником. На Урале в столовую для строителей Магнитки в 30-х годах он каждое утро поставлял тридцать – сорок уток (были такие охоты!). Охотился он страстно на зверя и птицу. Пережил много лесных приключений – «тонул, по шесть-семь часов сидел на деревьях в укрытии, проходил за день по пятьдесят километров». Но пришло время (у охотников с возрастом это часто бывает), «ружейная страсть» исчезла. Увлечшись фотографией, Мстислав Владимирович вовсе повесил ружье на стену и сделался страстным фотоохотником. У него немало трофеев. Охота на вологодских медведей – особая его страсть. Я получил от него целую папку снимков. И на каждом – медведь. Один копа-

ет коренья, не замечая присутствия человека, другой, напротив, встал на дыбы, изучает, разглядывает встречного. Сняты медведи на дереве, возле воды, сняты сквозь ветки, мешающие их как следует разглядеть. Несколько лет потратил фотограф, специально разыскивая медведей. И, как он пишет, «сошелся» со зверем, то есть выдержкой и терпением добился такого к себе отношения, когда медведи не нападали и не бежали от человека. Появилась возможность наблюдать их жизнь с расстояния в тридцать – сорок шагов.

Вот эту медведицу Мстислав Владимирович встречал три года подряд. Каждую весну у нее появлялись три малыша.

Случалось, неделю натуралист наблюдал жизнь этой семьи, то теряя ее из виду, то вдруг встречая на расстоянии,

небезопасном для наблюдателя. Жили медведи на глухом побережье Рыбинского водохранилища. И медведица-мать частенько водила ребятишек на берег отыскивать мертвую рыбу. «Я удивлялся, видя, как она отнимает еду у детей, но понял: медвежата кормились еще молоком, рыба важнее была для матери».

Иногда медвежата оставались играть на поляне. И мать уходила за рыбой одна. Не было случая, чтобы медвежата ушли с того места, где их оставили. «Любопытно, что возвращение матери они встречали своеобразно: в мгновение ока оказывались на тонких деревьях. Это инстинкт самосохранения. Медведи-самцы иногда нападают на молодняк. И в минуту, когда не ясно еще, кто приближается, лучше вскочить на тонкое деревцо, куда тяжелый медведь забраться не может. Но убедившись: вернулась мать, медвежата шарами катились с дерева вниз».

Весной звери искали главным образом растительную еду: ягоды, молодые побеги. «Местами дёрн медведица скатывала в рулон, обнажая коренья. С удовольствием вся компания копалась в муравейниках. Раза два фотограф заставлял ее возле остатков лося, зарезанного зимой волками. Когда на осинах листья выросли до размеров пяти копеек, медвежата с удовольствием их поедали – медведица сноровисто нагибала, ломала молодые осинки малышам на потраву».

«Бывали критические ситуации, когда я случайно оказывался слишком близко от медвежат. И думал: в этот раз напа-

дет, а в руках у меня только фотокамера. Но медведица спокойно уводила малышей. И я понял: она привыкла ко мне, ведет себя осторожно, но не страшится».

В каждый подходящий момент Мстислав Владимирович старался снимать. Но очень трудное дело – съемка в природе: то свет не такой, то ветки мешают, то поза у зверя неинтересная. «Однажды медведица повела малышей на рыбалку. Я скрытно перебежал вперед и занял позицию, ожидая, что семейство пройдет по открытой поляне. Так и вышло. Задыхаясь от возбуждения, я сделал пять «фотовыстрелов». Такова история фотографии.

Мстиславу Владимировичу – 73 года, возраст – почтенный для такого рода охоты. Но глаз фотографа верный, ноги носят его хорошо, понимание природы, мудрое к ней отношение накоплены жизнью. Будем ждать от череповецкого следопыта новых вестей.

• Фото из архива В. Пескова. 27 апреля 1985 г.

В час высокой воды

Окно в природу

Половодье после снежной зимы ожидалось рекордно большим. Но морозы в апреле снег «подсушили», и мещерский разлив был лишь немногим выше обычного. И все же воды для лесных обитателей нахлынуло бедственно много.

С директором Окского заповедника Святославом Приклонским мы пробились на лодке в уголок леса, где обычно на маленьком острове пережидали паводок зайцы. Случалось, сушу делили с зайцами барсуки и еноты. На этот раз острова не было. Из воды торчали верхушки сухой травы. На кустах и в развилке одиноко стоящего дуба белела шерстка — кто-то спасался от наседавшей воды. Мы огляделись, и на обломке березы обнаружили зверя в лохматой шубе. Он без особой боязни разглядывал лодку. Но нашу попытку прийти на помощь понять не мог: на коротких ножках тихо прошел по березе и, оглянувшись, поплыл. Енотовая шуба неплохо держала пловца на воде.

«Пахнет псиной. Наверное, где-то лиса...» И тут же мы оба сразу ее увидели. Лиса лежала, свернувшись на верхушке двухметрового пня — светло-рыжий комочек, отраженный в воде. В бинокль было видно два сверкающих глаза и торч-

ком стоящие уши. Лисицу поймать трудней, чем енота, и мы решили лишь сделать снимок.

Лизавета нас подпустила метров на двадцать. Когда алюминиевый наш барабан гроыхнул, толкнувшись в корягу, она встрепенулась. «Сейчас прыгнет сверху и побежит...» Нет, Лизавета скакнула на чуть наклоненно стоявший дуб и в три секунды оказалась у самой вершины, на тонких су-чьях. Услышав рассказ о таком, не поверил бы: лиса на вер-хушке высокого дуба! Но вот она перед нами. Ее принял бы за громадную белку. Высота примерно пять этажей над водой. Сидела надежно. Свисавший хвост чуть подрагивал, выдавая волнение лисы. Мы снимали ее так и сяк, но чув-ствовали: снимок будет неубедительным – не ясно, что там за зверь наверху. Вот если бы побудить верхолаза спустить-ся тем же путем по наклонному дубу, тогда будет видно: это лиса. Померив веслом глубину, я опростал отвороты сапог и спрыгнул в воду. Мой спутник на лодке, описав полукруг, стал приближаться к дубу, оставляя лисице единственный путь отступления. Лодка причалила прямо к дубу. Сиди спо-койно лиса наверху – не видать бы нам редкого снимка. Но нервы сдали. Лизавета спустилась к наклонному дубу. Гля-дя вниз, минуты три она размышляла. Наверное, взобрать-ся вверх было для нее легче, чем акробатом по крутой гор-ке пролететь вниз к воде. Я держал объектив наведенным на нужный участок наклоненного дерева. Человеческий го-лос внизу заставил лису решиться... Один раз всего успел

нажать я на кнопку и, проявляя позавчера пленку, волновался: что там, на снимке? Как видите, все получилось. Хорошо видна высота, видны характерные очертания зверя... Сбежав вниз, лиса бултыхнулась в воду, чуть проплыла и вскочила, энергично отряхнув с себя влагу, на ольховый кобёл. Тут мы увидели: лиса половодье пережидала не в одиночестве. На валежнике, прильнув к ней всем телом, лежала еще одна Лизавета. Ничем не выдав себя, четверть часа она следила за съемкой.

Обе лисы не выглядели заморенными. Это заставило вспомнить о зайцах, возможно, попавших в эту компанию. Но больше всего в тот день вспоминали мы акробатику лис. На низких сучьях во время разливов их видели тут не единожды. Можно даже предположить: ежегодные наводнения сделали врожденной способность здешних лис залезать на деревья. Но чтобы так высоко... Это все-таки исключительный случай.

- **Фото автора. 4 мая 1985 г.**

Братцы кролики

Окно в природу

Обликом он похож на молодого зайчонка. Но старый заяц заметно отличается от кролика, хотя налицо и заметное их родство. Образ жизни двух грызунов различен. Заяц держится избранной территории, знает ее досконально – ходы, выходы, лазы, убежища, но дома он не имеет. Спит, где застанет его непогода или усталость. Кролик же домовит, у него нора, и он от нее далеко не рискнет удалиться. Чуть что – домой.

Заяц живет во многих климатических зонах, вплоть до тундры. А кролик южанин любит тепло. Его отечество – южная часть Европы.

Знатоки, сличая характер двух грызунов, в резвости, сообразительности, хитрости отдают предпочтение кролику. От зайцев домашних животных вывести людям не удалось, а кролики дали немало различных пород. Лопухие, грузные, малоподвижные жители клеток ведут начало от такого вот юркого, резвого грызуна-землекопа. Но важно заметить: дикое их наследство сейчас же берет свое, как только кролики оказываются на свободе. Потомство их от поколения к поколению быстро теряет все, что выгодно было человеку-селекционеру, и восстанавливает облик дикого кроли-

ка – подвижного, небольшого зверька с покровительственной окраской. В Серпуховском районе есть у меня знакомый лесник, весной выпускающий кроликов на свободу. Они благоденствуют – вся земля у кордона в их норах. Лесник на них охотится, как на зайцев, стреляя прямо с крыльца.

У кроликов в природе несчетно врагов – их нещадно преследует человек, во время ночных кормежек их ловят совы, в норах их настигают хорьки и куницы. Никакая Красная книга не могла бы их защитить. Их защита – громадная плодовитость: 4 – 12 крольчат каждые пять недель. Если учесть, что молодые быстро взрослеют, пара кроликов за короткое время дала бы миллионное потомство. Однако надежная узда сдерживает этот биологический пожар.

Ну а если бы пара кроликов очутилась там, где врагов у них нет? Ответ на вопрос дан самой жизнью. Кролики, опрометчиво завезенные в Австралию и Новую Зеландию, размножились так быстро и в таком громадном количестве, что стали бедствием. Их проклинали и истребляли, как саранчу, пожиравшую зелень...

А отдельно каждый зверек – сама симпатия. Этот снимок, сделанный немцем Георгом Кваденсом, нуждается в пояснении. Фотограф караулил момент, когда законный хозяин выглянет из норы. Но неожиданно из подземелья полетели пух, перья, и одно за другим, как камни, стали выкатываться яйца. «С видом победителя на свет божий появился кролик», – сообщает фотограф.

Что же произошло? Некоторые утки селятся в норах. Огари – в норах лисиц, утки пеганки – в тоннелях кроликов. Обнаружив в своем жилище непрошенных квартирантов, обычно кролики роют новую нору. Но, бывает, даже и в кролике может проснуться чувство протеста: мой дом – моя крепость!

• **Фото из архива В. Пескова. 19 мая 1985 г.**

Кошачий остров

Окно в природу

«Выпадает первый снежок, и они тут как тут, собираются на кордоне. Штук восемь – десять. Забираются на чердак, лежат на сеновал, прячутся в сени. Однажды через трубу прямо в кастрюлю одна угодила», – так курский лесник жаловался мне на нашествие кошек в его сторожку.

От лишних кошек в деревнях избавляются просто: сажают в мешок, уносят в лес и там выпускают: сможешь – живи. Деревенские кошки не чета городским, живущим взаперти неженкам. Деревенская кошка ловит мышей, воробьев (случается, и цыплят, за что, кстати, и попадает в мешок). Оказавшись в лесу, с голоду она не умрет и очень скоро даже оценит преимущества дикой жизни. Мышей в лесу много, а кроме того, птичьи гнезда и сами птицы. Но приходит зима, и кончается для кота масленица – холодно, голодно. Со всех сторон сбегаются кошки к лесной сторожке.

Но вот удивительный случай: кошка перетерпела зиму в лесу, причем не мягкую зиму и снежную. В Окском заповеднике при учете зверей по следам обратили внимание на странные отпечатки на снегу. Гадали: кто бы мог быть? Решили, что норка. Странный след встречался еще не раз,

и никто не подумал даже, что это кошка.

Ее увидели в половодье. Весной леса у Оки заливаются на громадных пространствах. И лишь «горы» остаются сухими. Горами зовут тут маленькие, незатопляемые островки суши. На одних спасаются зайцы, еноты, лисы. На других токует тетерева. Тимошкина грива – как раз такой островок. Орнитологи заповедника загодя поставили на «горе» шалаш и очень надеялись понаблюдать из него токовище. Но тетерева почему-то на остров не опускались. Бормотали, сидя на затопленных деревьях. Что-то мешало тетеревиным свадьбам. Шалаш? Но он тут торчит ежегодно, птицы к нему привыкают. Стали оглядывать островок и обнаружили кошку. Она пережидала тут половодье, промышляя мышей и, может быть, птиц. Большие тетерева были этому робинзону, конечно, не по зубам. Но распугать их кошка сумела. «Дикий и нелюдимый зверь! Едва мы вышли из шалаша, метнулась в воду и поплыла к дереву», – рассказывали орнитологи.

Утром мы сговорились посетить остров. В море воды увидели его, когда подплыли вплотную – полоска суши с желтой прошлогодней травой и соломенным шалашом. Кругом в воде – ветлы, дубы и липы. Взлетели с деревьев тетерева. А где же тот, кто мешает им токовать на земле? Оглядели остров, оглядели шалаш – никого. Еще два раза прошлись по суше – чудеса в решете! – исчезла куда-то кошка. Прикинули так и сяк – уплыть не могла. Стала чьей-то добычей? Невероятно: остров необитаем. Пожимая плечами, уже направились

к лодке, как вдруг у самой воды под наклоненным кустиком жесткой травы я увидел кончик хвоста. Он чуть подрагивал.

Поняв, что ее обнаружили, кошка пулей метнулась поперек суши, кинулась в воду, поплыла и уже с дерева глянула желтыми злыми глазами. Это был пушистый, темно-серого цвета зверь, одичавший в лесу совершенно. Мне приходилось видеть на островах в половодье разных других животных. Присутствие человека их, конечно, пугало, но держались они обычно много спокойней. Тут же был маленький тигр. Достань в нем силы, свой остров он бы кинулся защищать.

Подыскивая точку для съемки, я забрел в воду. Но кошка решила, что ее окружают, прыгнула с дерева, проплыла до кустов, но, поняв, что на них удержаться ей будет трудно, вплавь вернулась на остров и спряталась в шалаше.

Кошки воду не любят. Но, как видим, плавают хорошо. Одиичание кошки редким не назовешь. Редкость – суметь в лесу пережить суровую зиму... Мы поискали на острове перья и не нашли. Видимо, пищей зимой и теперь, в половодье, служили домашнему дикарю мыши. Это обстоятельство смягчило приговор, который обычно выносят одичавшим собакам и кошкам. Да и жалко терпящего бедствие. Кошке, однако, подобные чувства неведомы. Обнаружив птенцов на гнезде, она-то жалости не проявит... Маленький мимолетный конфликт чувства и долга, которые часто борются в человеке.

• **Фото автора. 1 июня 1985 г.**

На пороге у жизни

Окно в природу

Начало лета – начало жизни для новой волны пернатых. В гнездах тесно и шумно. Не по дням, а по часам растущие их обитатели просят еды. Родители сбиваются с ног – непрерывно таскают корм. Кое-какие гнезда уже опустели. Но заботы родителей не закончились... Они по-прежнему кормят птенцов, затаившихся в ветках, при опасности подают им сигнал «замереть!», призывают откликнуться, побуждают взлететь: идет приобщение к жизни.

Большинство птиц появляются на свет слепыми, голыми и совершенно беспомощными. Они вырастают и крепнут в гнезде... Их называют птенцовыми. И есть птицы, готовые встретить бушующий яростный мир бытия сразу же по вылуплении из яиц. Этой весной в Москве на одном из прудов лесопарка Тимирязевской академии я украдкой наблюдал за гнездом утки и был свидетелем появления на свет двенадцати ее малышей. Точнее сказать, я видел момент, когда мать соскользнула с гнезда, приглашая едва обсохшую ребятню плыть следом. И вся мелкота отважно ринулась в воду. Пушистые желто-бурые шарики величиною с грецкий орех не только резво поплыли, но сейчас же стали хватать с по-

верхности пруда каких-то козявок. Я кинул им крошки хлеба – хватают и хлеб. Все двенадцать вели себя так, как будто давно уже знали, что надо делать и как держаться. Материнское покрякивание заставляло их немедленно собираться. Но сейчас же кто-нибудь, увлекаясь поиском пищи, отделялся от группы. Обнаружив, что одинок, утенок с писком вертелся на месте. На голос матери он устремлялся не вплавь, а, кажется, прямо бегом – весь вытянут, только лапки в воде.

Часа два наблюдал я за жизнью семейства. Мать все время была начеку. По берегу пруда ходили люди, бегали собаки,

вороны перелетали с ветки на ветку, жадно приглядываясь к утятам. Сколько их может дожить до осени и стать на крыло? Немного. Но сейчас они отважно встретили жизнь.

Птицы, способные заботиться о себе сразу с появлением из яйца, называются выводковыми. Птенцы уток, гусей, куликов, куропаток, тетеревов, глухарей появляются в гнезде из яиц почти одновременно и, обсохнув, за матерью сейчас же покидают гнездо. Нельзя без волнения наблюдать, как передвигаются по воде или по суше в травяных джунглях эти крошечные существа. Природа снабжает их покровительственной окраской, их поведение подчинено строгим законам наследственности – по сигналу матери они либо затаиваются, либо сломя голову устремляются на ее призывные крики. Летать они научатся не скоро. Но плавают и ходят много, с поразительной неутомимостью и с самого первого дня жизни.

С первого дня – в гущу жизни! – таков закон выводковых птиц. Иным из них приходится преодолевать еще барьер высоты. Некоторые утки выводят потомство в дуплах деревьев или в дуплянках, повешенных человеком. Обсохнув, птенцы один за другим бесстрашно с большой высоты устремляются вниз. Парашютом им служат пух и перепонки на лапах. Если «десант» задерживается, мать-утка (смотрите снимок) побуждает их быть посмелее. Сама она, будучи птенцом, уже совершала такой полет. Иногда гнездо оказывается далеко от воды, и утка отважно ведет к ней «десант» два-три километра, обходя опасности и препятствия.

В холодные дни птенцы жмутся друг к другу и к мате-

ри, чтобы согреться. Бывает, родительская спина служит для птенцов спасительным островком. На спину матери забираются птенцы лебедей и утят. А для чомги обычное дело – возить свой выводок на спине.

• Фото из журнала «Вальд лайф» (США) из архива В. Пескова. 8 июня 1985 г.

Жучок-любимец

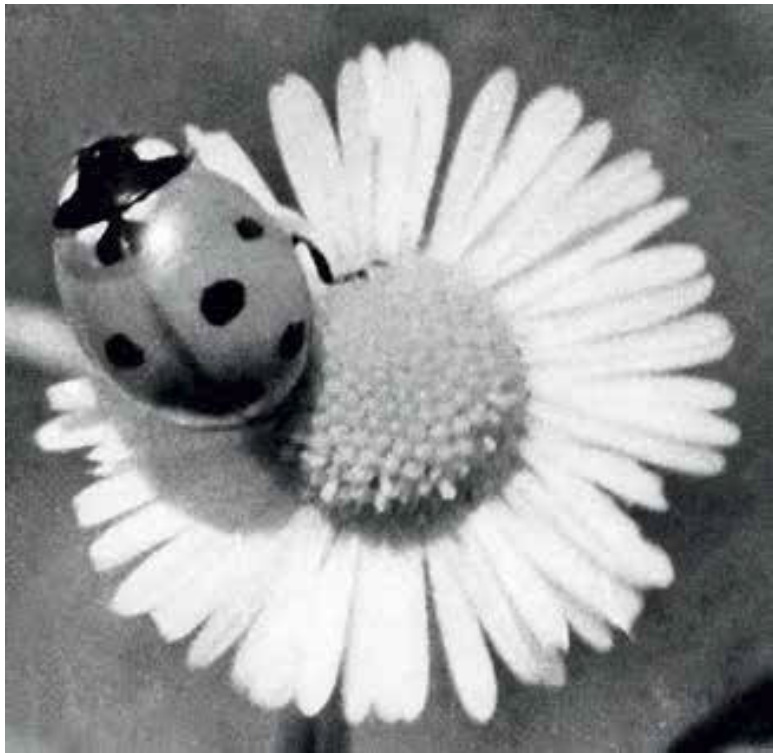
Окно в природу

Минувшей осенью, присев на опушке передохнуть, я долго наблюдал за этим жуком. Приземлившись около ног, он пешим ходом измерил расстояние от подошвы ботинок до моего носа и отправился в обратный путь. Особому исследованию подверг путешественник мой рюкзак. Как теперь понимаю, мешок приглянулся ему для зимовки. Поползав, жук скрылся в недрах мешка.

Вновь мы увиделись в марте, на лыжной прогулке. Я полез в рюкзак за едой и на самом дне увидел красную в точках блестящую пуговку. Жучок был мертв. Немудрено – с рюкзаком за осень и зиму я не раз побывал на лыжне, летал на юг и на север... А вдруг он все-таки жив? Сто смертей мы готовы накликать на тараканов, на мух, но этот симпатичный, знакомый каждому с детства жучок под названием «божья коровка» всегда вызывает добрые чувства. А вдруг он всего лишь спит, оцепенел на зиму? В спичечном коробке я водворил жука снова в рюкзак. И вспомнил о нем уже в апреле в тех самых местах, где хаживал осенью. Вспомнил, увидев на жухлой прошлогодней листве двух загоравших божьих коровок. Сейчас же я достал коробок, вытряхнул

жильца на припек. И вот она, маленькая радость воскресных странствий, – жук шевельнул ножкой, пополз и вдруг, подняв красные створки панциря, полетел...

Захотелось узнать: а как же зимуют жуки? Оказалось, осе­ню божьи коровки заползают в палые листья, в щели деревь­ев, строений, под крышу, между рамами окон и на зиму це­пенеют. С приходом тепла, подобно моему квартиранту, они оживают. Правда, не все, многих губит мороз. Но те, кто выжил, сейчас же спешат продолжить свой род. Восемь со­тен аккуратных желтых яичек кладет на листья коровка за лето. Из каждого через пять – десять дней появляется бес­цветная, но быстро темнеющая на солнце личинка – продол­говатое существо с тремя парами ног. Вся жизнь личинки – непрерывное поглощение тлей – насекомых, сосущих соки растений. Таким образом уже в первую фазу жизни божья коровка зеленому царству приносит громадную пользу.

Таинство превращения личинки в жука скрыто от постороннего глаза. Личинка окукливается. И под кожистой оболочкой за две недели происходит перестройка одного организма в другой. Явившийся миру жук ничего общего, кроме хорошего аппетита, с личинкою не имеет. Цвет у жука вначале бывает желтым. Но при солнечном свете, обсыхая,

он начинает темнеть. Подобно изображению на фотобумаге, опущенной в проявитель, на нем выступают черные точки, через двадцать примерно минут жучок обретает ярко-оранжевый с черными пятнами цвет.

Вызывающе яркий наряд – предупреждение птицам: «Не троньте, я не съедобен!» Кровь жучка обжигающая, как крапива. Схватив однажды красавца, птица впредь на него уже не позарится. Что касается лапок, то они у божьей коровки смазаны сахарным соком тлей. (По глупости в детстве мы, помню, лизали этих жучков.)

Чаще всего на глаза попадается нам семиточечный жук. Но у него много родственников. Всего в мире – 4200, в Европе – 80, в нашей стране – три десятка. Это разные виды божьей коровки. Они различаются общей окраской, характером пятен, а также размером. (Увидите трехмиллиметрового жучка-малютку, не думайте, что это подросток, это взрослая божья коровка, но маленькая.)

Симпатичный жучок! Бывают, однако, года, когда коровок становится вдруг устрашающе много. Они липнут к телу, хрустят под колесами на дорогах, будучи неважными летунами, они падают в воду, и ветер прибывает их к берегу плотной массой. Все это значит: год для коровок сложился излишне благоприятным – благополучно зазимовали, много было тепла и корма, результат: вспышка численности.

Вообще же коровки повсюду – желанные гости. Истребляя тлей, мелких гусениц, червецов и клещей, они прино-

сят здоровье садам, лесам и посевам. Кое-где (в Эстонии, например) божьих коровок специально выводят и выпускают в теплицы. И это лучший способ бороться с тлями на огурцах и посадках цветов.

Таков он, жучок, которого летом вы можете встретить повсюду.

• **Фото автора. 16 июня 1985 г.**

Как вырастали жирафы

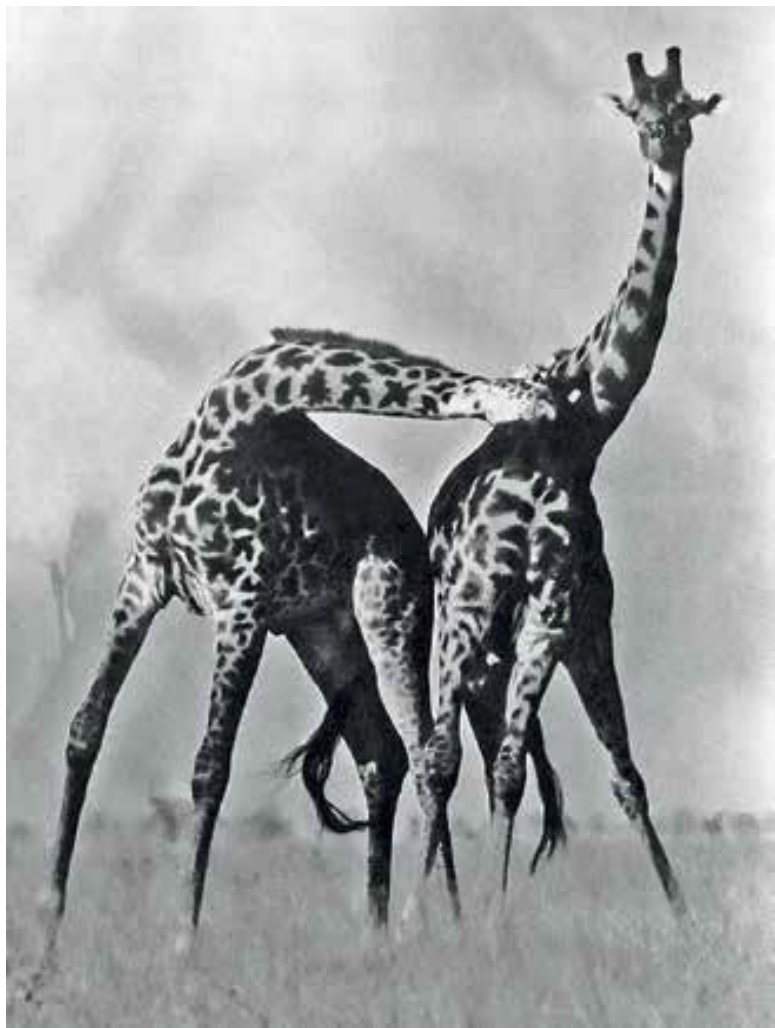
Окно в природу

Своеобразие этого животного так велико, что мы его знаем едва ль не с пеленок – по игрушкам, рисункам, мультяшкам, а в школьной грамматике вдруг встречаем забавное слово с тремя Е – длинношеее животное. Мы уже знаем: это жираф. Откуда такая шея? Ископаемые останки показывают: некогда у жирафа была она вполне умеренная – высота животного составляла два с половиной метра. В шее было семь позвонков. Сегодня жираф заглянет на балкон двухэтажного дома – высота без малого шесть метров. Наверное, увеличилось в шее число позвонков? В том-то и дело, что нет! Их по-прежнему семь. Но они вытянулись. Вытягивалась шея у жирафа (и ноги гоже) тысячи лет. В конкуренции с другими животными за питание листьями кустарников и деревьев побеждали те, кто мог дотянуться возможно выше. Им было легче выжить. Важное качество передавалось по наследству, и вот перед нами длинношеее существо, у которого нет конкурентов за пищу, разве что слон своим хоботом может дотянуться до лакомых листьев.

Крайняя специализация, давая животному преимущества, почти всегда доставляет ему также и трудности. Жираф не может кормиться низкорастущей зеленью. Трудно бывает ему также на водопоях. Шея с семью громадными позвонками не может быть гибкой. Жирафу приходится широко расставлять высокие ноги, чтобы как-нибудь дотянуться к воде. В этой весьма неудобной позе жираф нередко становится жертвою хищников.

Есть и еще проблема. Представляете, на какую высоту должна подниматься кровь к мозгу, каким громадным должно быть давление в кровеносных сосудах! 11-килограммовое сердце жирафа с этой работой вполне справляется. Но вот жираф нагнулся напиться. Голова с пяти метров опустилась до нулевой высоты. Ток крови вниз под громадным давлением должен разрушить сосуды мозга. Однако апоплексического удара (так называли раньше кровоизлияние в мозг) у жирафа не происходит. Удлиняя шею животного, природа создала систему клапанов и «винтелей», не допускающих катастрофы. Кровяное давление в голове у жирафа колеблется, но не сильно.

Длинные ноги и шея дают жирафу преимущество не только в добывании пищи, но также в обнаружении опасности – сверху далеко видно. Этим пользуются смышленные низкорослые зебры. Они держатся возле жирафов. Насторожились головы-перископы – зебры знают: опасность!

Крепка ли, высока ли у тебя шея? Этот важный вопрос эволюции жирафы решают в брачных турнирах. То, что нам со стороны может показаться дружескими объятиями, на самом деле противоборство – чья шея крепче, кто устойчивей на длинных ногах? Длинная шея позволяет наносить и чувствительные удары. Эти поведенческие детали механизма естественного отбора позволяют судить о том, как из обычного невысокого животного постепенно выросло длинношее существо.

• **Фото из архива В. Пескова. 29 июня 1985 г.**

Бабынинские караси

Окно в природу

В январе из Бабынинского района Калужской области получил я письмо: «У нас в пруду живут незрячие караси...» Я немедленно откликнулся, попросил подробностей и получил от Абрамова Сергея Дмитриевича второе письмо. «Совершенно безглазые! Жаберные крышки есть, а глаз нет. Но крепкие!.. Мы поступаем с ними обыкновенно – ловим и жарим. Приезжайте – увидите сами!»

В конце мая мы с внуком, прочитав все, что можно, о карасях, дали телеграмму в Калужскую область: «Едем!»

К вечеру добрались в деревеньку С. (не называю ее во избежание нашествия любопытных удильщиков) и встречены были Сергеем Дмитриевичем. Бросив рюкзаки, сразу пошли на пруд.

Это был не пруд, а прудишко, размером с половину футбольного поля. Соорудили его пятнадцать лет назад одним днем с помощью dobroxota-бульдозериста. Вся работа свелась к насыпке вала поперек неглубокой балки. Пополняется пруд вешней водой. В первый год пустили в него лукошко мелких красных карасиков и столько же белых. Никакая дру-

гая рыба, кроме верхоплавок и карасей, в пруду жить не может – тесен и мелок, промерзает почти до дна. Но караси, спящие зиму в иле, тут прижились. А лет пять-шесть назад стали среди них попадаться незрячие. Они не были, однако, хилыми. Наоборот, в садке скорее изнемогали обычные караси. Слепцы же были на редкость выносливыми. Правда, во время нереста, когда обитатели пруда трутся у травки на мелководье, незрячих ловят местные кошки, предпочитающие рыбу всякой другой добыче.

Забросили снасти. Но поплавки слегка шевелились лишь от игры верхоплавок, клавших на снасти икру. Возлагая надежды на утро, мы раскидали приманку. Сергей Дмитриевич с соседом для верности бросили в угол пруда две верши. И все отправились спать.

Утром пруд дымился туманом. Скорее, скорее удочки в воду... Через час первый карась запрыгал на траве в одуванчиках. Но это был обычный белый карась, глядевший на мир круглыми неморгающими глазами. За ним попался второй точь-в-точь такой же. Третий...

Уже наловлено было с полсотни одинаковых, как инкубаторские цыплята, карасей в половину ладони, когда Николай Иванович нас окликнул: «Вот он, попался!» На крючке висела рыба темно-серебристого цвета, вдвое крупнее пойманных карасей и безглазая. На положенном месте были заметны впадины, словно глаза удалили, и неглубокие ямки заросли плотным, как крышки жабер, костным покровом.

Даже и единичный урод в живой природе всегда у людей возбуждал любопытство, тут же была, как сказал бы ученый, популяция животных с уродством, передающимся по наследству...

Часов с девяти на хлебный мякиш стали дружно идти незрячие караси разных размеров – больше ладони и в половину ее. Вынули верши – их туда на приманку из хлебных корок тоже набилось изрядно. В полдень мы сели на бережку – как следует рассмотреть весь улов.

Первые наблюдения: не попало ни единого красного карася ни в вершу, ни на крючки. И это было обычным. Никто не знает, есть ли они в пруду, хотя все помнят: красных карасей выпускали. Ловятся караси белые (научное название: карась серебряный). Эта братия в нашем улове не была одинаковой – различались размером, окраской, не всё однозначно было с глазами. Обычный нормальный карась имел глаза плоские. У половины примерно глаза были выпуклые, как у лягушек. Незрячие были все одинаковы. Но попались два экземпляра карасей одноглазых (ловили таких и раньше) – один («лягушачий») глаз есть, другого нет. Все безглазые караси имели окраску более темную, чем обычные.

Поснимали мы карасей так и сяк. (На публикуемом снимке справа – обычный карась, в середине – с выпуклым глазом, слева – безглазый.) Провели мы на месте анатомирования – под жаберной крышкой глаза не оказалось. И, не мешкая, стали собираться в Москву. Улов «для сковороды», что-

бы в жаркий день не испортился, Сергей Дмитриевич переложил крапивой, побрызгал водой. А пяток карасей характерных поместили мы в формалин, важно было диковину показать рыбоводам-специалистам.

* * *

Мой подарок озадачил ученых несильно, хотя любопытство было всеобщим. «Ну-ка... Да, действительно совершенно безглазые... ну что же – типичные фенотехнианты», – сказал генетик.

Прежде чем объяснить мудреное слово «фенотехнианты» – немного общеизвестного о карасях. Все знают: карась хорош жаренный в сметане! «Уху из карасей варить не следует – пахнет тиной», – писал знаток рыб России зоолог Леонид Павлович Сабанеев. Карась действительно «тинная рыба» – живет в заросших озерах, пойменных бочагах, торфяных ямах, однажды я обнаружил карасиков даже в неглубоком колодце – икру, как видно, занесли утки. Чем хуже заглохший, «заросший» водоем для других рыб, тем лучше он для выносливых карасей, писал Сабанеев.

Караси бывают двух видов: золотые, почти круглые, похожие на тяжелые слитки меди, и серебряные, называемые иногда карасями речными. У этих тело более удлиненное, они меньше, чем золотые, любят копаться в иле, они подвижнее золотых и, что особенно важно отметить в этой бесе-

де, необычно разнообразны по форме. В двух расположенных рядом озерах живут иногда заметно отличные друг от друга серебряные караси. Объяснений этому много – неодинаковые водоемы, неодинаковая пища в них. Однако гораздо важнее другое: серебряные караси легко скрещиваются с другими рыбами: с линями, сазанами и карпами, например, а также с красными карасями. Мало того, серебряный карась зачастую размножается однополым путем – в водоеме живут только самки. Икра оплодотворяется молоками рыбы иного вида, но слияние половых тел при этом не происходит. Отцовская линия в развитии плода отсутствует – из икры появляются только однополые самки.

Причуды наследственности, нестабильный генетический механизм серебряного карася дает не только вариации по окраске и форме, но также всякого рода резкие отклонения от формы, иначе говоря, уродства: изменение плавников, глаз, чешуи. В различной мере отклонения эти свойственны многим рыбам. У серебряного карася они встречаются чаще. Не случайно именно серебряный карась является родоначальником разнообразных золотых рыбок.

Тысячу лет назад китайцы, заметив частые уродства серебряного карася, стали намеренно их культивировать и вывели рыбок, передающих уродства свои наследству. Пучеглазые телескопы и фантастические вуалехвосты с громадными плавниками, рыбки ярко-красного, черного или пестро-мраморного цвета – не более чем уродцы серебряного ка-

рася, продукты прихоти человека. Эти жители аквариумов и небольших бассейнов в дикой природе, если их выпустить, неизбежно и быстро погибнут. Сама природа, порождая уродства, как правило, не дает им развиваться в потомствах, безжалостно выбраковывает. В популяциях карасей, живущих нередко там, где «бракеры» – хищные рыбы – отсутствуют, уродства сохраняются относительно долго. При этом условия водоема провоцируют эти уродства. Недостаток пищи, теснота, ведущая к близкородственному скрещиванию, вызывают наследственные «уклонения». Подобная «игра генов», не поддающаяся исследованию на основе строгих законов, открытых Менделем, озадачивает генетиков. Животных из этого ряда они называют фенотехниантами. Бабынинские караси относятся к этому феномену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.